

С. Н. ЛИШЕВ

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ
ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В БОЛГАРИИ
В X в. И В ЭПОХУ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСПОДСТВА**

После 1018 г. болгарские земли почти на два столетия подпали под византийское господство и прямое влияние византийского феодализма. Перед исследователями этого периода всегда стоял вопрос: достаточно ли разграничены византийское влияние и процесс закономерного внутреннего развития Болгарии и на какую болгарскую основу X в. наслаивалось византийское влияние после 1018 г.?

В своей монографии «Болгария и Византия в XI—XII вв.» Г. Г. Литаврин подробно рассмотрел византийские феодальные институты в болгарских землях; она является наиболее ценным, основным и первым в своем роде исследованием важного периода болгарской средневековой истории. Крупным вкладом Литаврина в изучение истории юго-западных болгарских земель в XI в. было издание им сочинения Кекавмена. В интересной статье «Темпы и специфика социально-экономического развития средневековой Болгарии в сравнении с Византией — с конца VII до конца XII в.»¹ Литаврин обобщил результаты предшествующих исследований. В этой статье отмечается, что круг письменных источников, необходимых для исследования, крайне ограничен и нет никакой надежды, что когда-нибудь он будет существенно расширен. Быстро увеличивается только археологический материал. Он, однако, обладая некоторыми несомненными преимуществами перед письменными источниками, имеет и недостатки: определить возраст этих «немых» свидетелей, как правило, трудно, а родина их не всегда известна². И все же мы не можем на этом основании отказаться от дальнейших попыток решения указанной проблемы. Оценивая предшествующие исследования, Литаврин отмечает, что в «бескрайнем разногласии мнений» при интерпретации фактического материала, которым мы располагаем, только марксистская болгаристика смогла указать основные факторы, определяющие закономерный ход исторического процесса: она показала решающее значение славянского населения в развитии страны, ограничила роль протоболгар, признала влияние Византии на общественную и культурную жизнь средневековой Болгарии, но одновременно обоснованно опровергла теорию об определяющем значении византийского влияния в развитии болгарского государства³.

В марксистском византиноведении окончательно утвердилось мнение, что не налоговая эксплуатация со стороны государства, а разложение византийско-славянской свободной общины было главным источником

¹ ИПр, 1970, 16, № 6, с. 23—40.

² Литаврин Г. Г. Темпове и специфика на социально-икономическо развитие на средновековна България в сравнение с Византия — от края на VII до края на XII в., с. 23.

³ Там же.

процесса феодализации⁴, т. е. основной путь утверждения феодальной собственности проходил только через общину⁵. Этот процесс внутреннего расслоения и разложения в византийско-славянской общине подготовил необходимую почву для создания феодальной общественно-экономической формации, но он протекал все же медленно в VIII—X вв. из-за слабости мелкого землевладения и распространения рабского и наемного труда в более крупных земельных владениях⁶. В то время как в Западной Европе частновладельческая эксплуатация крестьян осуществлялась частновладельческим аппаратом внеэкономического принуждения, в Византии административный иммунитет создавался медленно, и в течение долгого времени не был сформирован чиновничий аппарат в частном имении для осуществления частных форм внеэкономического принуждения⁷. Вот почему в византийской частной собственности внеэкономическое принуждение осуществлялось первоначально с помощью государственного аппарата. В Византии государственная власть постоянно контролировала и регулировала частную собственность, давала дарственные, подтверждающие и экскусионные грамоты.

Такие правомочия византийской государственной власти вытекают, несомненно, из концепции теоретически неограниченной власти василевса⁸, связанной до известной степени с патримонiallyно-теологической идеей о государстве как собственности (*patrimonium*) императора, — но только до известной степени, так как эта идея ни в Византии, ни в Болгарии не могла быть реализована во всеобщей государственной собственности на землю, подобно тому, как это было на Востоке. Последнее обстоятельство необходимо принимать во внимание, когда мы говорим, что в средневековой Болгарии правитель, как и византийский «самодержец», также регулировал отношения частной собственности, дарил и распределял собственность⁹. Следует иметь в виду, что характерными и определяющими для Византии были нормы классического права частной собственности, являвшиеся основами официального порядка византийского общества¹⁰. А патримонiallyно-теологические элементы, присущие византийской императорской власти, никогда не имели решающего значения. Следовательно, правомочия византийской центральной власти по отношению к частной собственности никогда не носили характера неограниченного права распоряжения, конфискации или экспроприации¹¹.

В общем можно было бы согласиться с тем, что в период возникновения византийско-славянской общины до начала X в. в Византии протекали

⁴ Сюзюмов М. Я. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. — ВВ, 1956, 10, с. 31 сл.

⁵ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты феодальных отношений в Византии. — ВВ, 1974, 36, с. 15.

⁶ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. — ВО, 1971, с. 17, 18, 22.

⁷ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты. . . , с. 17; Они же. Особенности феодализма в Византии. — ВИ, 1974, № 10, с. 106, 108.

⁸ Удальцова З. В., Осипова К. А. Отличительные черты. . . , с. 29.

⁹ Андреев М., Ангелов Д. История на българската феодална държава и право. София, 1968, с. 135—136.

¹⁰ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. — ВВ, 1973, 35, с. 51.

¹¹ Наиболее ясно это показывает факт конфискации имущества малоазийского аристократа Евстафия Малеина, произведенной по приказу императора Василия II. Г. Г. Литаврин приводит свидетельства, что Евстафий Малеин принимал в своем доме Варду Фоку, самого опасного соперника императора, и что в 968 г. в доме Евстафия Варда Фока, который чуть не сверг Василия II (Scyl., p. 332. 59—67), даже был провозглашен императором. Следовательно, Евстафий Малеин был лично виновен перед императором и его имущество подлежало конфискации за государственную измену по византийским законам, т. е. в конце концов конфискация была произведена на законном основании и одновременно — по воле императора Василия II. См.: Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 22.

два основных процесса: развитие централизованной государственной эксплуатации (государственные налоги и повинности) и интенсивное развитие частной аллодиальной собственности, которая постепенно превращалась в феодальную. В X—XI вв. формирование феодальных производственных отношений в Византии в основных чертах завершилось. Новейшие исследования еще раз подтвердили, что нет никаких данных о существовании в Византии всеобщей государственной собственности на землю. Из трех основных форм собственности, существовавших в Византии (общинная собственность свободного крестьянства, государственная собственность и частная собственность), две последние приобретают феодальный характер в X—XI вв. и начинают играть к концу XI в. определяющую роль в социальной и экономической жизни византийской деревни. Решающее значение при этом получает частная феодальная собственность, которая расширялась за счет общинных земель и мелкого крестьянского землевладения, а также за счет государственных земель, на которых начали возникать различные формы условной собственности¹².

Наконец, значительный вклад сделан и в изучение истории византийского города. Доказано, что по числу и размерам византийские города в X—XI вв. занимали первое место в Европе. Г. Г. Литаврин не без основания поставил вопрос: почему вопреки этому византийский город по сравнению с западноевропейским играл неизмеримо меньшую роль в социально-экономическом и политическом развитии в XI и последующих веках? Он уделяет особое внимание социально-экономическим вопросам развития города в этот важный период и раскрывает основные тенденции в политике византийской государственной власти по отношению к городскому торгово-ремесленному населению, превращенному в бесправное сословие налогоплательщиков, производственная деятельность которых находилась под строгим контролем фискального и полицейского аппарата византийской власти. В условиях усиления конкуренции со стороны иностранной промышленности и торговли эта политика привела к замедлению и в конечном счете к отставанию в развитии византийского города¹³. Эти выводы, несомненно, касаются и состояния городов в болгарских землях в период византийского господства¹⁴.

УРОВЕНЬ И ФОРМЫ РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА В БОЛГАРИИ В X в.

1. *Центральная власть в Болгарии, как и в Византии, была теоретически неограниченной.* Правитель «поставлен богом» — ἐκ Θεοῦ ἄρχων¹⁵. Еще при образовании государства славяне вошли в централизованную военно-государственную организацию, созданную болгарской дружиной во главе с ханом, несмотря на существование бесспорных элементов федерации, племенной обособленности и внутривременной самостоятельности у славян¹⁶. Централизованная государственная организация еще больше укрепила при ханах Круме (802—814) и Омуртаге (814—831) и особенно после крещения, принятого в 866 г.¹⁷ В известной степени патримониально-теологическая идея о государстве как патримонии правителя нашла свое конкретное

¹² Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 288.

¹³ Там же, с. 5, 289.

¹⁴ В предшествующих исследованиях по истории болгарского города XI—XII вв. больше внимания обращалось на материальное производство, рыночные и товарно-денежные отношения, чем на социальный облик; см.: Лишев С. Българският средновековен град. София, 1970, с. 36—66.

¹⁵ Андреев М., Ангелов Д. Указ. соч., с. 79, 135, 136; Beševliev V. Die protobulgarischen Inschriften. Berlin, 1963, S. 74—75.

¹⁶ Theophanis Chronographia/Rec. C. de Boor. Lipsiae, 1883, I, p. 359. 5—21; см. также: Лишев С. За генезиса феодализма в България. София, 1963, с. 117—134.

¹⁷ Ангелов Д. Образоване на българската народност. София, 1971, с. 244—248.

выражение, например, в отождествлении государственной казны с казной правителя. Все налоги и доходы поступали в государственную казну, которая была одновременно и казной правителя, и затем шли на удовлетворение различных нужд.

Статья 3 сборника «Закон судный людем», где указано, что одна шестая часть военной добычи принадлежит правителю, заимствована из XVIII титула византийской Эклоги — с той разницей, что в Эклоге вместо «правитель» употреблен термин *δημόσιος*, которым в Византии обозначалась государственная казна, в то время как казна византийского императора не отождествлялась с государственной и называлась *βασιλικὸν βεσιτάριον*¹⁸. Несмотря на эту разницу и существование некоторых более значительных патримонциально-геологических элементов в идеологии болгарской центральной власти, в Болгарии также не возникла всеобщая государственная собственность на землю.

2. *Централизованная эксплуатация свободного крестьянства и его сущность.* Господствующая централизованная эксплуатация выражалась в государственных налогах и повинностях, которые накладывались от имени центральной власти (правителя). Эта эксплуатация предшествовала частному феодальному землевладению в Болгарии. Она была введена протоболгарской дружиной по отношению к славянским племенам еще при создании государства. В более примитивной форме эта система эксплуатации практиковалась, например, аvaraми, в 584 г. проникшими в Нижнюю Мезию вместе со славянами и убеждавшими местное население «сеять и жать, уступив им только часть урожая»¹⁹. В предшествующих исследованиях это известие Михаила Сирийского рассматривалось только как указание на существование первоначальных элементов феодальных отношений у славян²⁰. В сущности же оно свидетельствует о существовании примитивной централизованной эксплуатации.

Формой централизованной эксплуатации в Болгарии был ежегодный государственный налог — по одному модию пшеницы, одному модию проса и одному кувшину вина с каждого владельца пары волов и земли, которая обрабатывается парой волов²¹. Остальные болгарские государственные налоги упоминаются как «чрезвычайные» (эпирии) в первой грамоте Василия II Охридской архиепископии: она владела крестьянами, экскуссированными (освобожденными), как это было и в период правления царя Самуила, от икомодия и других подобных чрезвычайных налогов. Икомодий, по всей вероятности, был вознаграждением натурой чиновнику, подчитывавшему зерновые продукты при обложении налогом²².

Составной частью централизованной эксплуатации были государственные ангарии, обозначаемые термином «властельская работа», т. е. работа, которая накладывалась представителями государственной власти — «властельями». В Поучительном слове своего Учительного евангелия, относящемся к 894 г., епископ Константин призывает население исполнять одновременно и эту «властельскую работу», и службу богу, т. е. «богу божье, а кесарю кесарево»²³.

Некоторые исследователи в этой «властельской работе» видят ангарии париков в пользу частного собственника²⁴, но в период написания По-

¹⁸ Ангелов Д. Приходите на средновековната българска държава. — ИПр, 1945—1946, 2, № 4/5, с. 388; Ганев В. Законъ соудный людьмь. София, 1959, с. 221.

¹⁹ Пизулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941, с. 101—102.

²⁰ Андреев М., Ангелов Д. Указ. соч., с. 62 (изд. 1959 г.); Они же. История на България. София, 1961, 1, с. 74. Нет постановки и обоснования вопроса о том, было ли возможным возникновение у славян таких отношений сразу же после поселения на современных болгарских землях.

²¹ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 315.

²² Там же, с. 311—312.

²³ Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 154.

²⁴ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 160.

учительного слова в Болгарии еще не было париков — они появились в период царствования Петра и Самуила. Термин же «властель» приобретает значение «феодальный собственник» значительно позже — в XIII—XIV вв., когда крупный собственник получил власть над своим работником в силу иммунитетных (налогово-судебно-административных) привилегий²⁵. Эволюция значения термина «властель» от «представителя государственной власти» (в IX—X вв.) до «феодального собственника» (в XIII—XIV вв.) свидетельствует о первоначальном разделении между властью и собственностью в период раннего феодализма.

Значение «представитель государственной власти» для термина «властель» в IX—X вв. засвидетельствовано, например, в славянском переводе Земледельческого закона, где в 18-й статье волостель обозначает государственного сборщика налогов, что соответствует οἱ τῷ δημοσίῳ λόγῳ ἀπιτοῦμενοι греческого оригинала. Согласно статье 19 волостель собирал десятину с тех, кто обрабатывал заброшенные поля (τοῦ δημοσίου λόγου в греческом оригинале). В ст. 80 выражение «без властельска повелѣнія» («без распоряжения государственной власти») соответствует ἀνάρχως в греческом тексте. В ст. 17 «Закона судного людем» местные представители государственной власти названы «владыкы земли», что соответствует ἀρχῶν в греческом тексте Эклоги, а также термину τῇ ἀρχῇ — «государственная власть». В переводе хроники Симеона Логофета термин «помѣстни властеле» соответствует οἱ τῶν θεμάτων ἄρχοντες («правители областей») в греческом оригинале²⁶.

Есть сведения, относящиеся ко второй половине X в., что болгарские местные правители в северо-западных землях располагали налоговым аппаратом для обложения государственными налогами и ангариями: Чалан в области между Дунаем и Тисой, Менмарот — в области между реками Самош и Марош, Глад (Калд) — в области между Марошем и Дунаем. Относительно Ахтума, наследника Глада, определено отмечено, что он с помощью налоговых чиновников (tributarii) «обложил всех налогом»²⁷.

Г. Г. Литаврин полагает, что основной формой эксплуатации в Болгарии в период до X в. была централизованная форма эксплуатации, осуществлявшаяся через аппарат государственной власти. Он не без основания считает, что она не была «централизованной феодальной рентой», так как нельзя употреблять термин «феодальный» применительно к явлению, которое появилось раньше, чем оформился класс феодалов-бояр (т. е. крупных землевладельцев) в полном смысле этого слова: государственный налог, который собирался в этот период, еще сам по себе не содержал ничего специально феодального²⁸. Основная масса производителей, т. е. юридически свободное крестьянство, в Шестодневе Иоанна Экзарха обозначена термином «повинники» и противопоставлена господствующему классу — боярам, которые именуются «мужи»²⁹. Термин «повинники» с точностью обозначает непривилегированный класс свободного крестьянства как подданных, исполняющих государственные

²⁵ Ангелов Д. Аргументе отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, с. 15, 29, 91.

²⁶ Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 152, 154, 155.

²⁷ Legenda Sancti Gerhardi episcopi. — In: SS. Rerum Hungaricarum/Ed. E. Szentpety. Budapestini, 1938, t. 2, p. 490: usque ad Ticiam. . . conclusit omnia sub tributo. О Чалане, Менмароте и Гладе см.: SS. Rerum Hungaricarum. Budapestini, 1937, t. 1, p. 48—49 sq. Подробную интерпретацию см.: Лишев С. Някои данни за феодални отношения в България в X в. — ИИБИ, 1956, 6, с. 426—433. Некоторые исследователи, например Б. Кымнина, Ш. Штефынеску, Л. Полевой, В. Д. Корюлюк, М. Русу и др., не учитывают того, что эти земли были частью территории Первого Болгарского царства, хотя их население имело пестрый этнический состав: славяне, влахи, турки, куманы и пр.; подробнее об этом см.: Тъпкова-Займова В. Долни Дунав — гранична зона на византийския Запад. София, 1976, с. 26—29.

²⁸ Литаврин Г. Г. Темпове. . . , с. 29.

²⁹ Трифонов Ю. Към въпроса за старобългарското боярство. — СпБАН, 26, клон истор.-филолог. и философско-обществен., 1923, 14, с. 25.

повинности. Некоторые исследователи неправильно связывают свободное крестьянство в Болгарии с термином «свободники» в 18-й статье «Закона судного людем». В сущности «свободникъ» является точным переводом ἀπελευθερος («освобожденный раб») в Эклоге (XIV, 2, 3), откуда заимствована 18-я статья³⁰.

В предшествующих исследованиях было сделано ошибочное заключение о «государственном закрепощении» свободных крестьян-налогоплательщиков на основе статьи «О бегстве» в свободной редакции «Закона судного людем»: «Если кто-либо убежит от своего князя и уйдет под власть другого князя, его следует побить хорошенько и вернуть»³¹. Эту статью нельзя использовать при характеристике болгарского феодализма IX—X вв., так как она ведет свое происхождение от поздней компиляции, составленной в Русском государстве в конце XIII—первой половине XIV в. и отражающей другие общественно-политические отношения³².

3. *Частное аллодиальное землевладение предшествовало частному феодальному землевладению и подготовило почву для его возникновения.* Именно необходимость упорядочить окрепшую уже аллодиальную собственность заставила сделать перевод в Болгарии во второй половине IX в. византийского Земледельческого закона и составить «Закон судный людем» на основе византийской Эклоги. В этих двух документах не ставится вопрос о прикреплении крестьян к частному имению: они являются типичными памятниками, отражающими аллодиальную собственность. Интересно отметить, что труд свободного батрака, характерный для аллодиальной собственности, отражен в пространной редакции «Закона судного людем», несмотря на ее позднее происхождение: батрак (наемный пахарь), преждевременно бросивший свою работу, чтобы уйти в другое место, лишался только вознаграждения³³, т. е. здесь использовалось лишь экономическое принуждение: батрака не возвращали, чтобы заставить его завершить работу с помощью внеэкономического принуждения, — очевидно, он работал на свободных договорных условиях. Исполщики в Земледельческом законе также были свободными крестьянами, работавшими на собственника на свободных договорных условиях. Даже в термине «волоствел» мы не можем видеть феодального собственника, так как в Земледельческом законе он имеет значение «государственная власть» или «представитель государственной власти», что уже было указано выше³⁴.

Как в Византии в VIII—X вв. протекал процесс накопления крупной аллодиальной собственности, так и в Болгарии аллодиальная собственность постепенно принимала размеры крупного землевладения — особенно во второй половине X в. Такими были, например, имения Ахтума, обозначенные в источнике термином *allodia*³⁵. Однако существовало и определенное различие. В Византии, наследнице рабовладельческой империи, частная собственность была более развита, а в некоторых крупных византийских имениях, например в имениях пелопоннесской аристократки Данилиды (IX в.), все еще использовался труд рабов. Три тысячи из них император освободил и создал из них целое поселение³⁶. И в XI в. все еще использовался труд рабов, как видно из завещания Воилы (1059 г.)³⁷. В Болгарии освобождение рабов-военнопленных за откуп было узаконено ст. 19

³⁰ Ганев В. Указ. соч., с. 470, 472, 478. О толковании слова «свободники» см.: История Болгарии. М., 1954, с. 79.

³¹ Ливев С. За генезиса феодализма. . . , с. 175.

³² Закон Судный людем/Подгот. к печати М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. М., 1961, с. 103 — с дополнением в прим. 38 «и паку выведоут[ъ]». Датировано концом XIII—первой половиной XIV в. — Там же, с. 27.

³³ Там же, с. 69.

³⁴ О имущественном расслоении по Земледельческому закону см.: Ливев С. За генезиса феодализма. . . , с. 99—102.

³⁵ *Legenda Sancti Gerhardi*, p. 489.

³⁶ Сборник документов по социально-экономической истории Византии. М., 1951, с. 168.

³⁷ Там же, с. 169.

краткой редакции «Закона судного людем»³⁸. Вообще в Болгарии пережитки рабовладельческой традиции были значительно более ограничены, чем в Византии.

4. *Появление париков и частного феодального землевладения во второй половине X в.* По мнению Г. Г. Литаврина, уровень социального расслоения в болгарской деревне в середине IX в. не соответствовал уровню расслоения в византийской деревне: из-за большей устойчивости общины болгарская аристократия нуждалась в более активном содействии центральной власти³⁹. В сущности здесь пересекаются два вопроса. Действительно, в Византии, как мы видели, была более развита частная собственность в форме аллодиального землевладения. Но разве основной первоначальный процесс развития аллодиального землевладения в феодальное в Болгарии не был на том же уровне, что и в Византии? В этом сложном процессе мы можем наметить три этапа в X в.

Первоначально некоторые собственники посвягают на отдельные разорившиеся хозяйства. Отдельное хозяйство вместе со своим участком входит в состав крупного земельного владения в силу экономического принуждения, так как крестьянин «убог» (нуждающийся). Данные об этом мы имеем для первых десятилетий X в., когда много крестьянских хозяйств разорилось в результате продолжительных войн царя Симеона. В Шестодневе Иоанна Экзарха, современника Симеона, говорится, что «алчный отнимает имущество у нуждающегося (убоугоумоу)» и что таким образом «прибавляет хозяйство к хозяйству (домъ к дому)»⁴⁰.

Второй этап наступил во время царствования Петра (927—969). В Беседе Козмы против богомилов упоминаются монахи, которые покупали землю и на ней создавали имения («стажанѣа»), состоящие из полей и деревень («нивам и селом») ⁴¹. Новое здесь заключалось в том, что на монастырской земле уже создавалось целое феодальное поместье путем размещения (наделения землей) неимущих, т. е. так называемое *поселение*. Но и в это время еще не было притязаний на свободную общину. Следует иметь в виду, что царь Петр покровительствовал монастырям, одаривал их и создавал благоприятные условия для роста монастырского землевладения.

Третьим этапом было фактическое оформление возникших элементов. Оно было проведено государственной властью во второй половине X в., во время царствования Петра и Самуила. Тогда был официально введен термин «парики» для обозначения крестьян, прикрепленных к крупной частной собственности. В крупном частном имении внеэкономическое принуждение (прикрепление и личная зависимость) осуществлялось при содействии государственного аппарата. Это засвидетельствовано в грамотах императора Василия Охридской архиепископии, где определенно указано, что высшее духовенство в Болгарии владеет париками и клириками *со времен царствования Петра и Самуила*⁴². «Клирики» были выходцами из среды низшего духовенства, но принадлежали к той же социальной категории, что и парики⁴³. Положение париков, основной категории феодально-зависимого крестьянства, в Болгарии в период византийского господства было подобно положению византийских париков⁴⁴.

В упомянутых уже грамотах императора Василия II отражен лишь первый вид структуры феодального имения: там упоминается ряд сел,

³⁸ Ганев В. Указ. соч., с. 486.

³⁹ Литаврин Г. Г. Темпове. . . , с. 36.

⁴⁰ Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 168—169.

⁴¹ Св. Козмы Пресвитера Слово на еретики и поучение от божественных книг. СПб., 1907 (ПДПИ, вып. 157), с. 56. Анализ текста см.: Лишев С. Някои данне за феодалните отношения в България през. X в., с. 413—414.

⁴² Иванов Й. Български старини из Македония. София, 1931; с. 555—556.

⁴³ Литаврин Г. Г. Крестьянство западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. — УЗ Ин-та славяноведения, 1956, 14, с. 241—242.

⁴⁴ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 176.

в которых жили только отдельные парики и клирики, прикрепленные к отдельным имениям некоторых епископов. Возникает вопрос: почему здесь не упомянуты феодальные поселения или хотя бы целое село, находящееся вместе со своей землей в собственности епископа? Г. Г. Литаврин предполагает, что такие деревни были записаны как отдельные налоговые единицы в налоговые кадастры и к ним не относились привилегии, подтвержденные Василием II, Петром и Самуилом⁴⁵.

Мы допускаем обратное: если бы целые деревни со своей землей были включены в епископское землевладение, именно они должны были бы фигурировать прежде всего как самая большая имущественная привилегия в грамотах Василия II. Но в Византии государственная власть все еще не позволяла передавать в дар такие деревни⁴⁶, а раздавала и дарила только отдельных неимущих крестьян, т. е. париков ἀτελεῖς («неплатежеспособных»), актимонов, апоров, элевферов, дулевтов и пр., входивших в категорию «не дающих дохода фиску»⁴⁷. Болгарские епископы также не могли получить от царей Петра и Самуила привилегию владеть целыми деревнями. Формула дарений при Петре и Самуиле (подтвержденная Василием II) отличалась от формулы дарственных грамот болгарских царей в XIII—XIV вв., когда не указывалось число прикрепленных крестьян, так как передавалось в дар целое село, в то время как в период правления Петра и Самуила число крестьян указывалось всегда, потому что дарились и прикреплялись к имениям не целые деревни, а отдельные крестьяне. В Болгарии также господствовала практика *дарить феодалам именно неимущих крестьян*. Зачатки этой практики можно видеть в том способе, каким ликвидировалась нищета в законодательстве хана Крума: обеспечение «самоудовлетворения» (τῆν ἀβάρχεταν) нищих «за счет» крупной собственности⁴⁸, т. е. путем устройства их на работу в поместья крупных собственников.

Указание на передачу целого села в частное землевладение есть в 1-й ст. «Закона судного людем», согласно которой целая сельская община вместе со всем своим имуществом передавалась церкви только в исключительных случаях — как самое тяжелое наказание за возврат к языческим обрядам. Следовательно, это не было нормой социальных отношений. Даже представитель государственной власти в этой деревне вряд ли мог сделать ее своим частным имением при существовавшем разделении между властью и собственностью.

Что же касается феодальных поселений, то у болгарских епископов такой вид собственности, несомненно, был. Однако следует иметь в виду,

⁴⁵ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия, с. 77.

⁴⁶ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии, с. 65.

⁴⁷ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 177.

⁴⁸ Suidae Lexicon./Ed. Ada Adler. Lipsiae, 1928, 1, p. 484. Из всех толкований, которые предлагались для этой статьи законодательством Крума, самым неубедительным является предположение, что хан Крум «начал экспроприировать» имения крупных землевладельцев и раздавать их неимущим, чтобы обеспечить их содержание; ср. Йончев Л. Некои въпроси относено Крумовото законодательство — ИИБИ, 1956, 6, с. 633—634. Это противоречит социальной направленности законодательства Крума, которое в сущности имело своей целью оградить от посягательства именно крупную собственность, что явствует из предусмотренного там наказания воров членовредительством. Подробнее см.: Лишев С. За генезиса феодализма. . . , с. 178—180. В то же время не случайно и то, что нищие поставлены под защиту государственного законодательства, — это должно было предотвратить быстрые темпы имущественного расслоения в сельской общине и ее разложения. Такие тенденции, отраженные в законодательстве Крума, не могли бы быть поняты без связи с Земледельческим законом, отражающим отношения в византийско-славянской общине. Дело в том, что Йончев оспаривал и наличие византийско-славянской общины и связи между Земледельческим законом и существованием этой общины, которое сделало необходимым составление Земледельческого закона; см.: Iontschew I. Über die Klassenschichtung in Byzanz und in Bulgarien im 7. bis 10. Jhd. — Etudes historiques, Sofia, 1965, 2, S. 71—84. Ср. также критическую оценку этой статьи и вообще концепции Йончева, данную З. В. Удальцовой (К вопросу о генезисе феодализма в Византии, с. 15, прим. 27).

что эти маленькие поселения формировались постепенно как населенные пункты и не были достаточно известны в сети деревень, чтобы они могли быть упомянуты в грамотах императора Василия II: там указаны только более известные поселения — города и некоторые большие деревни — для ориентации относительно местонахождения отдельных поместий и прикрепленных к ним крестьян. В общем число прикрепленных крестьян не было велико. Например, согласно первой грамоте Василия II епископ Моровизда (Северная Македония) имел 30 прикрепленных крестьян, расселенных в Моровизде, в предместьях Козяка — около 60 деревень, близ Славшите — около 30 деревень, в Злетово, Луковице, около Пиянец — 42 деревни и у Малешево — около 15 деревень. Трудно представить, как были распределены эти 30 прикрепленных крестьян в 150 деревнях, но все же понятно, что в отдельных селениях число прикрепленных было незначительным и что собственность епископа была сильно раздроблена на отдельные владения по селам, даже если мы примем обоснованное соображение⁴⁹⁻⁵⁰, что, кроме этих 30 экскуссированных крестьян, епископ имел еще какое-то число неэкскуссированных⁵¹.

5. *Возникновение налогового иммунитета (экскуссии)*. Возникновение налогового иммунитета предшествовало возникновению административного и судебного иммунитетов. Налоговый иммунитет фактически являлся передачей части государственного налога в пользу частного собственника, а юридически — освобождением зависимых крестьян от некоторых государственных налогов, чтобы их мог собирать в свою пользу их феодальный господин⁵². Первая грамота императора Василия II свидетельствует, как мы видели, о том, что налоговая экскуссия была дана болгарской церкви во времена царя Самуила. Однако речь идет только об экскуссии определенного числа крестьян, но не об экскуссии поземельной собственности, т. е. экскуссия была частичной⁵³. При неполной экскуссии все еще имело место разделение между собственностью и властью — частные землевладельцы не были освобождены от инспекции государственных чиновников и сборщиков налогов. Существующее разделение между собственностью и властью отразилось и в терминологии. В IX—X вв., как мы видели, термин «властель» означает только «представитель государственной власти», но не «феодальный собственник», как в XIII—XIV вв. В «Законе судном людем» и в древнеболгарском переводе Земледельческого закона понятие «собственник» не идентично понятию «властник» и выражается словами «господарь» или «господинъ»: например, «господарь винограда» (имеющий в собственности виноградник), «господарь вола» (имеющий в собственности вола), «господинъ кона» (владелец коны)⁵⁴.

Рассмотренные данные позволяют внести поправку в положение, допускающее, что развитие феодальных отношений в Болгарии в IX—X вв. отставало от развития феодальных отношений в Византии.

1. До X в. в Болгарии, как и в Византии, частное аллодиальное землевладение предшествовало частному феодальному землевладению. Преобладающей была централизованная налоговая эксплуатация, т. е. государственные налоги и повинности, которыми облагалось в Болгарии и Византии юридически свободное крестьянство. В аллодиальном имении основной производительной силой был свободный батрак, который соответствует византийскому свободному «мистию». Для аллодиальной собственности в Болгарии, однако, не было характерно использование труда

⁴⁹⁻⁵⁰ *Литаерин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 77. Мы разделяем предположение, что епископы имели и неэкскуссированных крестьян или хозяйства.

⁵¹ Приблизительные расчеты см.: *Лишев С.* За генезиса феодализма. . . , с. 148—149.

⁵² *Удальцова З. В.* К вопросу о генезисе феодализма в Византии, с. 23; *Литаерин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 219—226.

⁵³ *Литаерин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 226.

⁵⁴ *Лишев С.* За генезиса феодализма. . . , с. 149—160.

рабов, как было в Византии благодаря наследию, полученному от древней рабовладельческой империи.

2. В X в. в Болгарии, как и в Византии, создавалось частное феодальное землевладение, формирование которого протекало в двух основных видах, типичных и для Болгарии, и для Византии в этот период: один вид охватывает некоторые имения с прикрепленными к ним отдельными хозяйствами в рамках свободной в целом общины, второй представляет собой поселение неимущих крестьян на «господской земле». Частные землевладельцы в Болгарии, как и в Византии, начали получать прежде всего частичную налоговую экскуссию (иммунитет).

3. При переходе от общинного строя к феодализму в Болгарии и от рабовладельческого строя к феодализму в Византии темпы развития феодальных отношений были примерно одинаковыми, главным образом в силу того обстоятельства, что значительное славянское население и большое число славянских общин были налицо и в Византии: Византии, как и Болгарии, в процессе развития феодализма необходимо было преодолеть большую устойчивость славянской общины.

БОЛГАРСКАЯ ОСНОВА И ВИЗАНТИЙСКОЕ ВЛИЯНИЕ (XI—XII вв.)

1. *Централизованная налоговая эксплуатация.* В период византийского господства государственный налог был основной формой византийской эксплуатации в одной из важнейших областей покоренных болгарских земель — в области между Старой Планиной и Дунаем (фема Паристрион), потому что здесь вообще не могло возникнуть частное византийское землевладение из-за опасности нападений печенегов, куманов и узов. У нас нет ни одного бесспорного свидетельства о существовании в этих областях в XI—XII вв. частного византийского землевладения, а среди местного болгарского населения здесь преобладали мелкие и средние собственники⁵⁵.

Господство централизованной эксплуатации в феме Паристрион установилось после превращения этой области в непосредственную собственность центральной власти (императора) еще в процессе завоевания. Г. Г. Литаврин доказал это на основании трех достоверных источников — известия Яхьи Антиохийского, согласно которому были посланы «царские люди» (*βασιλικοί*) управлять имуществом в завоеванной стране; известия Роберта де Клари о том, что в Северо-Восточной Болгарии были созданы коневодческие хозяйства византийского императора, располагавшие обширными пастбищами; открытых Ст. Маслевым в Плиске и Преславе печатей управляющего императорскими конюшнями и коневодческими хозяйствами в этом районе и вообще в феме Паристрион⁵⁶. Нет сомнений, что такая постановка вопроса во многом помогает понять положение болгарских земель после того, как они вошли в состав византийской территории. Централизованная налоговая эксплуатация в Византии продолжала играть существенную роль и в дальнейшем: она была одной из главных причин восстания населения в столице в 1042 г., когда граждане уничтожили налоговые списки⁵⁷.

В Первом Болгарском царстве были, как мы видели, разнообразные натуральные налоги (регулярные и чрезвычайные), ангарии на строительство и ремонт крепостей, дорог, мостов и пр. В период византийского господства налоговое обложение значительно увеличилось путем введения

⁵⁵ Литаврин Г. Г. Темпове. . . , с. 39—40.

⁵⁶ Литаврин Г. Г. Проблема государственной собственности в Византии, с. 63—64; *Он же.* Болгария и Византия. . . , с. 141—142.

⁵⁷ Литаврин Г. Г. Восстание в Константинополе в апреле 1042 г. — ВВ, 1972, 33, с. 44.

ряда натуральных десятин, военных поставок, реквизиций, конфискаций продуктов и скота по низким ценам или бесплатно, многочисленных ангарий, денежных платежей и поборов⁵⁸.

Известно, что превращение части натуральных платежей в денежные было тем новшеством, которое принесла с собой византийская налоговая система в болгарские земли. Находки монет XI—XII вв. свидетельствуют о том, что в болгарских землях находились в денежном обращении сотни тысяч медных монет⁵⁹. Было большое количество и золотых монет, но они были сосредоточены, как увидим ниже, преимущественно в руках аристократии. Накопление золотых монет, т. е. изъятие основного денежного капитала из сферы производства и обмена, достаточно убедительно говорит в пользу натурального характера хозяйства в целом: существование денежной основы византийского рынка само по себе не может быть достаточным для отрицания существования натурального хозяйства. Во всяком случае, из-за отсутствия статистических данных все еще остается открытым вопрос о количественном соотношении между денежной и натуральной частями государственного налога, между денежной и натуральной оплатой труда, между товарно-денежным и натуральным рыночным обменом — вопреки многочисленным попыткам достигнуть окончательного результата в этом направлении.

Несмотря на это, исследования показали, что состояние в золотых монетах составляло важнейшую часть богатства византийского господствующего класса в XI—XII вв. и что основным источником получения золота было не частное поземельное имение, а государственное жалование (руга), выплачиваемое в золотых монетах⁶⁰, т. е. часть централизованной ренты, которая раздавалась государственной казной. Г. Г. Литаврин приводит поразительные факты: новеллиссим Константин имел около 1620 кг золотых монет, у патриарха Алексея IV Студита после его смерти (1043) было найдено около 810 кг золотых монет⁶¹. Золото Симватия Бакуриани, Григория Бакуриани, Феофилакта Охридского и других далеко превосходило доходы от их поземельных владений. Действительно, мы можем удивляться тем сокровищам, данные о которых существенно изменяют бытовавшие представления о размерах и роли централизованной ренты, которую собирала и раздавала в золотых монетах государственная казна. Несомненно, роль государственной казны как источника такого денежного богатства связана прежде всего с налоговыми поступлениями⁶². Но следует иметь в виду, что в государственную казну поступали значительные денежные суммы от таможенников, от таможенных служб, густой сетью покрывших всю византийскую территорию, на которой сходились пути международной торговли⁶³. Есть все основания думать, что доходы византийского государства в значительной степени увеличивались из этих источников благодаря преимуществам, которые имела Византия как центральное звено в большой транзитной торговле.

⁵⁸ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 314—340; *Он же*. Налоговая политика Византии в Болгарии в 1018—1185 гг. — ВВ, 1956, 10, с. 81—110. Здесь отмечается, что превращение некоторых натуральных налогов в денежные фактически означало их многократное увеличение.

⁵⁹ Лишев С. За проникването и ролята на парите, във феодална България. София, 1958, с. 120—151; *Asdracha C.* La region des Rhodopes aux XIII^e et XIV^e siècles. Athènes, 1976, p. 229. На основе нумизматического материала Асдраха подготовила статистические данные о распространении медных монет в указанной области.

⁶⁰ Литаврин Г. Г. Относительные размеры и состав имущества провинциальной византийской аристократии во второй половине XI в. — ВО, 1971, с. 164—168.

⁶¹ Литаврин Г. Г. Восстание в Константинополе в апреле 1042 г., с. 37, 41. Данные показывают стремление византийского духовенства к накоплению денежного капитала.

⁶² Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 202.

⁶³ Для решения этого вопроса важны данные, собранные и исследованные в монографии: *Antoniadis-Bibicou H.* Recherches sur les Douanes à Byzance. Paris, 1963.

Очень важным и не решенным до конца является вопрос о преемственности византийской платежно-денежной системы в болгарских землях. С одной стороны, почти все денежные налоги и поборы, введенные Византией в XI—XII вв., продолжали существовать в болгарских землях и после освобождения от византийского господства. Так, во Втором Болгарском царстве основной денежный налог «волоберщина» происходит от византийского налога *ζευγαράτιον* или *ζευγολόγιον* (налог на землю, обрабатываемую парой волов)⁶⁴; денежный налог «дымнина», т. е. «на дымовую трубу» (отдельный дом), является болгарским аналогом византийского *καπνικόν*⁶⁵; денежный налог «перпера» происходит от византийского *ὑπέρπερον*⁶⁶ — его собирали специальные сборщики налогов «перпераки»⁶⁷; византийское происхождение имеет ряд денежных пошлин — на рыболовство, пользование мандрой («кошарница»), горными пастбищами («горнина»), общинными пастбищами («тревнина») и пр.⁶⁸ Деньгами платили и некоторые штрафы⁶⁹. Болгарское название «кумерк» (пошлина) происходит от византийского *χορμῆρσιον*, византийским термином «диавато» обозначалась пошлина за перевозку товаров через мосты и переправы на реках⁷⁰.

С другой стороны, возникает вопрос: почему сразу же после освобождения от византийского господства во Втором Болгарском царстве наступило резкое сокращение монетной эмиссии, сохранявшееся в течение всего XIII в., несмотря на то, что были унаследованы все эти денежные платежи? Три первых царя — Асень I, Петр и Калоян — вообще не чеканили монет, только в период царствования Ивана Асеня II в Болгарии начинают выпускать монеты и то в ограниченном количестве; до сих пор найдено очень мало болгарских монет XIII в. Некоторые нумизматы высказывали мнение, что скудость находок монет, относящихся ко времени Ивана Асеня II, следует объяснять стабильностью политического положения в период его царствования, т. е. при существовании политической безопасности отпадала необходимость сохранять деньги в кувшинах, закопанных в землю; отсюда — и незначительность монетных находок⁷¹. Исходя из такого предположения, мы могли бы ожидать обратного явления: го-

⁶⁴ Ср. *ζευγολόγιον δόσιον* в грамоте деспота Алексея Слава от 1220 г.; см.: *Дуйчев Ив.* Из старата българска книжнина. София, 1944, 2, с. 32. О волоберщине см. в Виргинской грамоте царя Константина Асеня: *Иванов И.* Български старини из Македония. София, 1931, с. 586.

⁶⁵ *Иванов И.* Указ. соч., с. 586.

⁶⁶ Там же, с. 586.

⁶⁷ Там же, с. 598.

⁶⁸ Там же, с. 586.

⁶⁹ *Ангелов Д.* Аграрните отношения в Северна и Средна Македония, с. 222 сл.

⁷⁰ *Иванов И.* Указ. соч., с. 578, 586.

⁷¹ *Димитрова-Чудилова С.* Българските средновековни монети от съкровищата, намерени в България. София, 1977, с. 143. Необходимо иметь в виду, что эта диссертация является первым опытом монографического исследования болгарских средневековых монет, в котором давно нуждалась болгарская нумизматика и медиевистика. Основоположники болгарской нумизматики Н. Мушков и Т. Герасимов издали ряд статей и публикаций по отдельным вопросам нумизматики, но они не воспользовались собранным фактическим материалом для того, чтобы показать специфику денежного обращения как категории феодальной экономики. С. Димитрова-Чудилова впервые рассмотрела основные дискуссионные вопросы нумизматики в рамках проблемы денежного обращения и в результате правильной методической обработки материала убедительно доказала, что обращение монет, выпущенных в XIII в., было гораздо более ограниченным и незначительным в сравнении с обращением монет в XIV в. Она также установила, что болгарские цари чеканили два вида монет: медные — для внутреннего рынка, и серебряные — для внешнего. Это подтверждается данными, относящимися, например, к царю Федору Святославу (1300—1321). Необходимо подчеркнуть, что чеканка большого количества медных монет для внутреннего рынка была традицией, появившейся в Болгарии в период византийского господства и унаследованной Вторым Болгарским царством. К сожалению, Чудилова не имела возможности исследовать материалы, находящиеся в зарубежных музеях. Основным же недостатком работы является то, что там вообще не поставлен вопрос о наследовании денежного обращения периода византийского господства Вторым Болгарским царством.

раздо больше монет, относящихся ко времени политической неустойчивости (междоусобицы и нашествия), которое наступило в Болгарии после смерти Ивана Асеня II (1241) и продолжалось до конца XIII в. Но сокращение количества находок продолжается до конца XIII в. Таким образом, понятно, что объяснения политической стабильностью или нестабильностью не могут быть достаточно убедительными. Хранение монет в земле стало, в сущности, необходимостью из-за отсутствия кредитных институтов и практики безналичного расчета — иностранные купцы в Болгарии носили деньги при себе и иногда также закапывали их в землю, несмотря на то, что в Болгарии они находились под особым покровительством и в политической безопасности⁷². Денежное обращение в рамках натурального хозяйства не могло поглотить все монеты и часть их всегда превращалась в сокровища. Но так или иначе в конечном счете чем больше монет было в наличии или в обращении, тем больше монетных кладов находят.

Мы считаем, что Вторым Болгарским царством были унаследованы не только византийские денежные платежи XI—XII вв., как мы уже указывали, но и византийские монеты XI—XII вв., которые остались в болгарских землях и продолжали употребляться во Втором Болгарском царстве в течение всего XIII в.: потому и не было необходимости чеканить много болгарских монет в XIII в. В этом и кроется причина сокращения находок монет этого столетия. Наличие византийских монет XI—XII вв. в денежном обращении Болгарии в XIII в. может быть доказано и датировано с помощью находок, в которых монеты XI—XII вв. смешаны с монетами XIII в. Так, найденный у с. Долна Кабда (Търговищский округ в Северо-Восточной Болгарии) клад содержит около 2800 медных монет, относящихся ко второй половине XII и первой половине XIII в., среди которых самой ранней является монета императора Мануила I Комнина (1143—1180), а самой поздней — никейского правителя Феодора II Ласкариса (1254—1258); имеются также солунские и константинопольские монеты времен Латинской империи (1204—1261) и болгарские монеты Ивана Асеня II (1218—1241). Все они были разрезаны на мелкие кусочки — вид «мелких монет» для обмена на местном рынке⁷³. Подобный состав имеет и другой клад с нарезанными монетами из Болгарии, получивший название «Петр и Павел»⁷⁴. Такие «мелкие деньги», называемые болгарами «бодки», чеканились в болгарских землях⁷⁵.

Существует много других смешанных находок, подтверждающих наличие медных византийских монет XI—XII вв. в денежном обращении Болгарии в XIII в. Византийские монеты XI—XII вв., смешанные с византийскими монетами XIII в., а также никейскими монетами Феодора I Ласкариса (1204—1222), солунскими Феодора Комнина (1224—1230) и Мануила I (1230—1237) и небольшим количеством болгарских монет, найдены в Северной (в районах городов Преслава, Русе, Търговишто, Търново, Плевена, Лома, Бяла-Слатина, Враца, Белоградчика) и Южной Болгарии (в районе городов Стара-Загора, Карлово, Месемврия, Асеновград, Пазаджик, Кюстендил, Кърджали, Благоевград и др.)⁷⁶. Есть только две находки, в которых византийские монеты смешаны с болгарскими: клад, найденный в районе Карлово: монеты Ивана Асеня II вместе с византийскими и солунскими монетами, и клад, найденный в районе Преслава:

⁷² *Лишев С.* Българският средновековен град, с. 140, 143.

⁷³ *Йорданов И.* Коллективна находка на средновековни монети от с. Долна Кабда, Търговищки окръг. — *Byzantinobulgaria*, 6 (в печати).

⁷⁴ *Metcalf D. M.* The Peter and Paul hoard: Bulgarian and Latin imitative trachea in the Time of Ivan Asen II. — *N. Chronicle*, 1973, p. 147—148.

⁷⁵ *Мушков Н. А.* Монетите и печатите на българските царе. София, 1924, с. 52.

⁷⁶ ИБАИ, IV, с. 322; VI, с. 315; XII, с. 450, 453; XIV, с. 282; XX, с. 608, 610; XXI, с. 231, 324; XXII, с. 359; XXV, с. 227, 231; XXVI, с. 257, 260; XXVII, с. 238—240; XXIX, с. 241—223; XXX, с. 188; XXXI, с. 231—232. Кроме этих опубликованных находок, в музеях имеется ряд других, которые не изучены и не опубликованы и по этой причине не могут быть учтены в нашей статье.

монеты Константина Асеня (1257—1277) с византийскими монетами XI—XII вв.

Приведенные данные подтверждают, что в денежном обращении Второго Болгарского царства в XIII в. преобладали византийские монеты XI—XII вв., а также никейские и солунские, в то время как монеты самих болгарских царей были в значительно меньшем количестве. Такое положение — результат сильного экономического влияния Византии и устойчивой преемственности рыночных связей с ней, создавшихся в болгарских землях в период византийского господства.

2. *Частное феодальное землевладение.* С середины XI в. центром византийского частного землевладения становятся главным образом юго-западные болгарские земли — не только потому, что они меньше подвергались нашествиям, но и потому, что Византия потеряла свою территорию в Малой Азии в результате наступления сельджуков.

В первые десятилетия XI в. византийские власти утвердили в болгарских землях имевшиеся здесь два структурных типа частного землевладения, которые существовали и в Византии: 1) феодальное имение на территории свободной сельской общины, расположенное рядом с имениями других феодалов и полями свободных крестьян; 2) феодальное имение как обособленное поселение неимущих крестьян на «господской земле», отделенное от свободной сельской общины.

Что касается третьего, охватывающего всю сельскую общину и типа частного землевладения, то он не был характерен в X в. ни для Болгарии, ни для Византии. Во второй половине XI в. впервые с созданием пронии был сделан решительный шаг к включению целой сельской общины свободных земельных собственников в частное феодальное землевладение. В осуществлении этого процесса византийский господствующий класс пользовался содействием государственной власти как орудием своих интересов. Так, прония первоначально возникла как передача частному лицу права собирать в свою пользу определенное количество государственных налогов со свободных собственников-налогоплательщиков, членов свободной сельской общины; это право постепенно превращалось в право на землю и людей, которые ее обрабатывают и которые превращаются в париков владельца пронии ⁷⁷.

К. В. Хвостова подчеркивала, что условный характер пронии обуславливался тем, что дарение делалось с обязательством исполнения государственной службы ⁷⁸. Но она обоснованно отвергает отождествление византийской пронии с османским тимаром, проводимое Г. Острогорским ⁷⁹. К. В. Хвостова указала на принципиальное отличие византийской пронии от тимара и мусульманской икты и на совершенно различные условия правового развития Византии и средневековых мусульманских государств: в Византии в силу наличия развитого вещного права частная собственность на землю играла большую социальную роль. Это накладывало отпечаток на византийское правосознание и способствовало формированию пронии как дара на совокупность вещных и невестных прав, в то время как мусульманское право отводило частной поземельной собственности небольшую роль ⁸⁰.

С другой стороны, следует внести поправку в утверждение, что еще в XI—XII вв. развитие пронии привело к ослаблению централизованной эксплуатации ⁸¹. Напротив, в XI—XII вв. доходы от централизованной эксплуатации, как мы видели, многократно превышали доходы от частных

⁷⁷ Удальцова З. В. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, с. 23.

⁷⁸ Хвостова К. В. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии. М., 1968, с. 215, прим. 39.

⁷⁹ Острогорски Г. Пронија. Прилог историји феудализма у Византији и у јужнословенским земљама. — САН, Посебна издања. Београд, 1951, књ. 176, с. 176.

⁸⁰ Хвостова К. В. Указ. соч., с. 217.

⁸¹ История Византии. М., 1967, т. 2, с. 247.

имений многих крупнейших феодалов. Против преувеличения масштабов распространения пронии в болгарских землях в XI—XII вв. говорит и тот факт, что в этот период не только к северу от Балкан не было условий для развития византийского частного землевладения, но даже во Фракии и в Родопской области до конца XII в. прония все еще не поглотила общину свободных земельных собственников.

О свободной крестьянской общине имеются интересные данные, относящиеся к 1189 г., — в источниках о III крестовом походе. В последнее время К. Асдраха обратила внимание на одно известие у Ансберта: в Пловдиве армяне и болгары-налогоплательщики (*sub tributo*) пришли к императору Фридриху Барбароссе и другим лицам, возглавляющим армию крестоносцев, и получили мир для себя и своих сел (*suis vicis*) на том условии, что они откроют пловдивский рынок для крестоносцев⁸². Отметив, что местные жители могли входить в прямое соглашение с крестоносцами без вмешательства авторитетного посредника, К. Асдраха принимает их за членов свободной крестьянской общины — *vici*, которые являлись государственными налогоплательщиками (*sub tributo*), были подчинены непосредственно государству⁸³. В других западных источниках (*Legenda Sancti Gerhardi*), как мы отмечали, «обложение государственным налогом» обозначалось тем же термином *sub tributo*, что подтверждает предположение Асдрахи. Под словами «свои села» (*suis vicis*) Ансберт имеет в виду села около Пловдива, в которых крестоносцы остановились на зимовку. Асдраха считает, что эти армяне и болгары были еретиками. В таком случае к сближению с крестоносцами («врагами Византии») их могло подтолкнуть, вероятно, оппозиционное отношение к византийской власти. Кроме этого известия, есть и другое — о свободных сельских общинах, оказавших упорное сопротивление крестоносцам в области Родоп⁸⁴.

Частное землевладение в форме пронии локализовалось преимущественно в Македонии, где к концу XII в. оно могло поглощать *целые общины* мелких собственников-налогоплательщиков, как, например, село Могила (около Битоля), ряд сел в междуречье Струмы и Вардара в районе Струмицы и др.⁸⁵ Землевладение афонских монастырей охватывало главным образом Южную Македонию⁸⁶.

И все же нет оснований говорить о массовом включении целых общин в частное феодальное землевладение. Даже такой аристократ, как архиепископ Феофилакт Охридский (1090—1109), несмотря на свои связи с правящими кругами, был вынужден несколько лет вести упорную борьбу с государственными чиновниками и сборщиками налогов, чтобы получить в свое владение две-три деревни в Македонии⁸⁷. Самый могущественный светский феодал в болгарских землях Григорий Бакуриани владел несколькими деревнями, но только относительно двух из них установлено, что они раньше были свободными селами со своей собственной землей — село Приложкий в Солунской феме и село Здравикий в Серрской феме⁸⁸.

Григорий Бакуриани, как представляется, предпочитал получать рабочие руки путем создания поселений из неимущих на «господской земле». По нашему мнению, именно такие поселения следует видеть в «строительстве сел» (*περί οἰκοδομῆς χωρίων*), о котором говорится в заглавии хрисовула в параграфе 3 36-й главы типика Григория Бакуриани, составленного для Бачковского монастыря в 1083 г.⁸⁹ Такие новые поселения Григорий со-

⁸² *Ansbert*, p. 45.

⁸³ *Asdracha C.* Op. cit., p. 213.

⁸⁴ *Ansbert*, p. 59.

⁸⁵ *Литаврин Г. Г.* Болгария и Византия. . . , с. 147—150.

⁸⁶ Там же, с. 97.

⁸⁷ Там же, с. 80—90.

⁸⁸ Там же, с. 135.

⁸⁹ *Turicon Gregorii Pacuriani/Ed. S. Kauchtschischwili. Tbilisiis, 1963, p. 152; Панидзе А.* Грузинский монастырь в Болгарии и его типик. Грузинская редакция типика. Тбилиси, 1971, с. 235.

здавал на своих землях преимущественно в районе Пловдива и отчасти в Южной Фракии. Некоторые из них упомянуты в типике как «нивы» (*ἀγρίδια*) и «поля» (*ἀγρός*), но одновременно они обозначены именами, которые носят до сих пор деревни, выросшие из этих поселений на «нивах и полях»: Бачково, Добралък, Добростан, Лалково (Лилково), Яврово, Варвара⁹⁰ и пр. Все это говорит о том, что около 1083 г. под этими именами уже существовали какие-то зачатки поселений, т. е. еще не оформленные заселенные места, поэтому они и названы «нивы и поля». Об этом говорит и заключение 1-го параграфа 2-й главы грузинского текста типика, где упомянуто, что все эти «нивы и поля» в сущности представляли собой «имения» (чифлики) с населенными и прикрепленными к ним зависимыми крестьянами⁹¹.

Есть основания считать, что вовлечение целых сел (с их землей) в частное феодальное землевладение как практика на болгарских землях наметилось в период византийского господства, но распространение эта практика получила лишь во Втором Болгарском царстве.

Внутренняя структура феодального имения представляла собой комплекс, состоящий из земли, которая находилась в прямом владении феодала, и земли париков — *παροικότηπιον*⁹², распределенной между зависимыми крестьянами, как видно из типика Григория Бакуриани⁹³. И эта внутренняя структура получила преемственность во Втором Болгарском царстве: «мьста паричка» в Виргинской грамоте⁹⁴ является точным переводом византийского *παροικότηπιον*.

В прикреплении зависимого болгарского населения к частным феодальным хозяйствам мы можем различить два момента. Так, в грамотах императора Василия II болгарским епископам, которые отражают не только преемственность от Первого Болгарского царства, но и аграрные отношения, сложившиеся в первые десятилетия XI в., и являются бесспорным документом, свидетельствующим о прикреплении по системе «арифмос», прикреплении зависимых крестьян к отдельным хозяйствам епископов выражено общей фразой «должны служить церкви»⁹⁵: *ὁφείλοντας ταῖς ἐκκλησίαις ὑπερεπετεῖν*.

Кекавмен, сочинение которого, написанное около 1070 г., отражает социально-экономические отношения в юго-западных болгарских землях, дает совет не задерживать силой поселившихся в земельном владении элефтеров, если они захотят уйти в другое место; насильственно задерживать их, по мнению Кекавмена, было бы «несправедливо» — *οὐ γάρ ἐστι δίκαιον*. Г. Г. Литаврин обоснованно считает, что в этом высказывании Кекавмен имел в виду действующее византийское право, согласно которому (по традиции от римского рабовладельческого права) подданные делятся на свободных и рабов; поэтому феодальная «несвобода» не признавалась *de jure* до конца существования Византии, но все же феодальная «несвобода» существовала *de facto*. По существу слова Кекавмена отражали широко распространенное явление — крупные собственники лишали элефтеров свободы и силой задерживали их в своих имениях⁹⁶.

Еще более ясно процесс прикрепления крестьян отражен в типике Григория Бакуриани: в 1083 г. Григорий подарил Бачковскому монастырю своих париков вместе с тягловым скотом и землей, которую они обрабатывали⁹⁷. В типике говорится только об одной категории зависимого насе-

⁹⁰ Turison Gregorii Pasuriani, p. 24; Шанидзе А. Указ. соч., с. 287.

⁹¹ Шанидзе А. Указ. соч., с. 287.

⁹² Turison Gregorii Pasuriani, p. 140.

⁹³ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 160.

⁹⁴ Иванов И. Указ. соч., с. 583.

⁹⁵ Там же, с. 550.

⁹⁶ Советы и рассказы Кекавмена/Подгот. текста, введ., пер. и комм. Г. Г. Литаврина. М., 1972, прим. 697 и 699.

⁹⁷ Turison Gregorii Pasuriani, p. 32.19—22; Шанидзе А. Указ. соч., с. 289.

ления — париках. Это обобщающее значение термина «парик» еще раз подтверждает, что в XI—XII вв. в болгарских землях так называемые «категории феодально-зависимого населения», о которых мы уже говорили (афелейс, апоры, актимоны, элефтеры, апэлефтеры, дулевты, дулопарики, проскафимены и др.), в сущности были только временными ступенями, через которые проходили мелкие собственники, освобожденные рабы и немущие, прежде чем стать париками феодала ⁹⁸.

Важной чертой византийского частного землевладения была его роль как организационно-хозяйственного звена. Ее не следует смешивать с технической организацией производства — деятельностью непосредственных производителей (крестьян и ремесленников). Особым является вопрос о количестве продуктов, производимых в феодальном имении или непосредственным производителем и использовавшихся с целью наживы, для удовлетворения своих нужд, шедших на рынок и т. д. Для его решения мы не располагаем достаточными сведениями.

Во всяком случае, организационно-хозяйственная роль византийского частного имения должна была быть значительной, если производила впечатление на западноевропейцев. Лиутпранд, германский посол в Византии, пишет в 968 г., что византийские епископы превратились в конюхов, трактирщиков и лавочников (*agasones, saurones, tabernarii*), сами продают, сами покупают, сами осматривают скот ⁹⁹. Независимо от формы эти заметки являются своего рода «информацией» об организационно-хозяйственной деятельности. Кекавмен называет такую деятельность «автургией» и включает в нее любой вид хозяйственного предприятия, созданного и руководимого крупным землевладельцем, которое может принести ему изобилие плодов, зерна, вина, мяса, овец, свиней и тяглового скота ¹⁰⁰.

Важным организационно-хозяйственным предприятием Григория Бакуриани было создание уже упомянутых поселений париков. Он распорядился, чтобы только парики монастыря брали монастырскую собственность в феодальной держание, по-грузински: «сакаргав» ¹⁰¹. Этот внутренний феодальный наем в дальнейшем получил широкое распространение во Втором Болгарском царстве ¹⁰². Закономерным для периода расцвета и господства феодальных производственных отношений является именно тот факт, что такому внутрифеодальному найму отдавалось предпочтение перед свободным. Григорий создал и рынок при Бачковском монастыре, как он сам указал в своем типике («учрежденное нами торжище») ¹⁰³, на котором продавалась часть продуктов монастырского хозяйства. Он также построил больницу и три гостиницы с большим количеством мест, отоплением, ежедневным питанием, печами для хлеба и др. ¹⁰⁴

По свидетельству Евстафия Солунского ¹⁰⁵, во второй половине XII в. монастырские хозяйства в Южной Македонии производили и продавали на рынке пшеницу, вино и скот. Крупные монастырские хозяйства в Средней и Северной Македонии в XII—XIII вв. организовали не только земледельческо-скотоводческое производство, но и работу большого числа сельских ремесленников (монастырские парики): портных, сапожников, скорняков, шляпников, шорников, кузнецов, строителей, плотников, ювелиров, гончаров и др. ¹⁰⁶

Часть продуктов этого производства выносилась на городской рынок — на монастырском базаре монополию на продажу имели только монастыр-

⁹⁸ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 175—195.

⁹⁹ MGH SS, t. III, p. 362.

¹⁰⁰ Советы и рассказы Кекавмена, с. 188—191, прим. 529.

¹⁰¹ Шанидзе А. Указ. соч., с. 320.

¹⁰² Лишев С. Българският средновековен град, с. 182—183.

¹⁰³ Шанидзе А. Указ. соч., с. 299.

¹⁰⁴ Там же, с. 316—318; Turicon Gregorii Pacuriani, p. 130—134.

¹⁰⁵ PG, t. 135, col. 824 C, 829 A.

¹⁰⁶ Ангелов Д. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония, с. 188—189.

ские товары. Это ограждало их от конкуренции. Вообще монастырские хозяйства были наиболее развитыми и передовыми хозяйствами того времени, именно они доставляли наибольшее количество продуктов на вывоз¹⁰⁷.

Доминирующая роль крупного феодального имения в экономике укрепились в XI—XII вв. в результате расширения имущественных привилегий¹⁰⁸. Но данные источников и результаты предшествующих исследований не дают оснований преувеличивать эти привилегии при византийском господстве, переоценивать византийское влияние на развитие этих феодальных институтов в болгарских землях, потому что полному налогово-судебно-административному иммунитету в болгарских землях в период византийского владычества было только положено начало (например, во владениях Григория Бакуриани), а практикой оно стало лишь во Втором Болгарском царстве.

БОЛГАРСКИЙ ГОРОД

Против преувеличения византийского влияния на формирование болгарского средневекового города говорят данные последних археологических исследований, которые позволяют сделать следующие заключения.

1. Монументальное градостроительство с огромными каменными блоками в Плиске и других аулах протоболгарских ханов в Северо-Восточной Болгарии не является византийской моделью, так как в этот период (VII в.) в Византии уже строили главным образом кирпичные здания¹⁰⁹.

2. Монументальное каменное блочное строительство протоболгары видели, скорее всего, в античных городах Крыма, разрушенных во время нашествия гуннов, с которыми протоболгары имели прочные связи в период двухвекового (V—VI вв.) пребывания в районе Азовского моря. Кроме того, в IV в. одна группа протоболгар поселилась в Армении. В Закавказье у мощных каменных стен Дербента на Каспийском море на протоболгар также оказывало долгое время влияние сасанидская культура Ирана с ее монументальным строительством¹¹⁰. Именно в районе Азовского моря сформировалась специфическая салтовомаяцкая культура, которая была результатом двухвекового сожительства тюркской протоболгарской культуры и сармато-аланской (по сути *иранской*) культуры древнего местного населения. В районе Азовского моря в VII в. впервые возникли протоболгарские поселения около каменной крепости с блочными строениями¹¹¹. Именно древняя культура сасанидского Ирана дала протоболгарам живую практику в технике каменного строительства, оттуда могли прийти и мастера¹¹². Первоначальные каменные строения в Плиске были продолжением античной традиции, но не в балканском (византийском) варианте, а в ближневосточном (сасанидско-иранском): о существовании преемственности в каменной архитектуре северо-восточных районов Балканского полуострова свидетельствуют многочисленные данные¹¹³.

3. Независимо от влияния этой строительной традиции протоболгары и славяне еще до переселения на Балканский полуостров были знакомы с рядом ремесел, связанных со строительством. Славяне знали ремесло деревообработки, металлургию, ткачество (первоначально как домашнее

¹⁰⁷ Натан Ж. Стопанска история на България. София, 1957, с. 65—68, 82; Ангелов Д. Аграрните отношения в Северна и Средна Македония, с. 225—245.

¹⁰⁸ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 220—245.

¹⁰⁹ Ваклинов С. Формиране на старобългарската култура (VI—XI вв.). София, 1977, с. 93.

¹¹⁰ Там же, с. 92.

¹¹¹ Там же, с. 29.

¹¹² Там же, с. 93, 95.

¹¹³ Там же, с. 95.

Производство), гончарное искусство — об этом говорят предметы, найденные в развалинах древних славянских поселений на территории современной Украины, Румынии и Венгрии. Еще тогда славяне пользовались железорудными сыродутными печами, в которые закладывалась железная руда поверх нескольких слоев древесного угля, и все это разжигалось с помощью ручных кожаных мехов¹¹⁴. Важнейшее ремесло — металлургия — достигло высокого развития у славян на северных склонах Карпат еще в первые века н. э., о чем свидетельствуют памятники пшеворской культуры¹¹⁵. Памятники черняховской культуры (III—IV вв.), часть которых принадлежит славянам современной Западной Украины, также свидетельствуют о высокоразвитой железной металлургии¹¹⁶. Эта древнеславянская материальная культура продолжала развиваться и в V—VI вв. у славян, пребывавших на территории современной Румынии до того, как они заселили современные болгарские земли¹¹⁷. Протоболгары тоже были знакомы с железной металлургией, кожевенным делом, среди них были хорошие шорники и гончары. О существовании строительных ремесел у протоболгар говорит тот факт, что к началу VII в. в Дагестане выросли протоболгарские города — во владениях протоболгарского правителя Алпа Олитвера¹¹⁸.

4. Таким образом, протоболгары и славяне пришли на Балканский полуостров, уже имея некоторую практику строительства городов, и она не могла быть подменена или вытеснена «византийским наследством», которое они застали на территории современной Болгарии. Это подтверждается и последними исследованиями характера преемственности в первых славяно-болгарских поселениях, которые возникли на месте древних городов в современных болгарских землях. Стратиграфические и топографические исследования показали, что между позднеантичным и раннесредневековым славяно-болгарским пластами не было функционально-градостроительной связи: два пласта представляют две различные культуры с ясно выраженным стратиграфическим зиянием между ними. Две культуры отделены одна от другой исторической и этнокультурной цензурой. Раннесредневековые славяно-болгарские жилища (землянки и полужемлянки) и другие строения не соответствуют остаткам древних городов и почти нигде не используют их в целом или частично по назначению, которое те имели в античный период¹¹⁹. Не случайно первые болгарские правители упоминаются в раннесредневековых легендах как строители городов, хан Аспарух упомянут как создатель городов Плиски и Доростола¹²⁰. Все это означает, что болгарский средневековый город возник главным образом как результат развития уже сформировавшейся традиции славяно-болгарской материальной культуры. Именно сосредоточение собственного ремесленного производства в одном месте, т. е. в Плиске и Преславе, составляло сущность возникновения болгарского средневекового города в VIII—X вв.

В пользу решающей роли собственного производства независимо от того или иного внешнего влияния мы можем привести как типичный пример художественную керамику, которой славилась болгарская столица Преслав в X в. Одни исследователи считали, что эта керамика была импортирована, другие полагали, что она изготовлена в Преславе иностранными мастерами, согласно третьему мнению, преславские мастерские, изготовлявшие керамику, возникли как подражание византийскому про-

¹¹⁴ *Istoria Romaniei*. București, 1960, 1, p. 733 sq.; *История культуры древней Руси*. М.; Л., 1948, с. 78.

¹¹⁵ *Ваклинов С.* Указ. соч., с. 19, 20.

¹¹⁶ Там же, с. 20.

¹¹⁷ Там же, с. 22—23.

¹¹⁸ *Артамонов М. И.* *История хазар*. Л., 1962, с. 174—175, 207—208.

¹¹⁹ *Ваклинов С.* Указ. соч., с. 47—54.

¹²⁰ *Иванов И.* *Богомилски книги и легенди*. София, 1925, с. 282.

изводству. Исследования установили обратное: в отношении техники и стиля византийские находки из Константинополя намного уступают преславским и датируются почти на целое столетие позже ¹²¹.

Скорее всего, мастера-художники, которые принесли в Преслав первоначальную модель расписной керамики, были выходцами из каких-то областей Ближнего Востока. Некоторые мотивы орнамента на декоративных плитках в Преславе имеют ярко выраженное иранское или ирано-сасанидское происхождение. Но массовая продукция этой художественной керамики в Преславе была делом болгарских мастеров, и важнее всего то, что заимствованной технике и орнаменту болгарские мастера придали болгарский стиль, который отличал их от всех художественных центров X в. ¹²²

Некоторые новые данные показали, что болгарские мастера были монахами преславских монастырей: именно преславские монахи изготавливали расписные облицовочные плитки не только для церквей своих монастырей, но и для других зданий в столице. Другими словами, монахи были также живописцами и мастерами, изготавливающими керамику в монастырских мастерских. Многие плитки имеют на обратной стороне кириллические или глаголические буквы как производственные знаки для нумерации плиток; на многих плитках, соединенных в одно целое, нанесены целые тексты на классическом древнеболгарском языке, что является самым убедительным доказательством того, что мастера, делавшие эти надписи, были высокообразованными монахами-болгарами. В сравнении с древним славянским обычаем метить ремесленные изделия различными примитивными знаками ¹²³, нумерация с помощью кириллических и глаголических букв является не только шагом вперед, но и сама по себе говорит о массовом производстве расписной преславской керамики. Кроме того, анализ иллюстраций в некоторых ранних древнеболгарских книжных памятниках убедительно показал, что наряду с чисто книжной продукцией те же преславские монахи создавали и иллюстрации к текстам. Работа художников-декораторов на керамических плитках сочеталась с работой иллюстраторов-миниатюристов. Таким образом, замечательная художественно-декораторская школа была связана со всей культурной и литературной деятельностью Преслава. Именно в такой обстановке возникла и сама художественно-декораторская школа в области расписной керамики ¹²⁴.

Связь работы декораторов в мастерских, производящих керамику, с работой художников-иллюстраторов во дворцах и монастырях и существование мастерских иллюстраторов, оформлявших книжную продукцию преславских писателей, подтверждаются изучением самых ранних копий произведений преславских книжников. Речь идет о русских копиях XI—XII вв. Особую ценность представляет Остромирово евангелие, некоторые элементы миниатюр в котором полностью совпадают с соответствующими мотивами расписной преславской керамики. По стилю и технике человеческие фигуры и лица здесь очень близки соответствующим образам на преславских керамических плитках. Точно так же в известном Изборнике Святослава 1073 г., который ведет свое происхождение от сборника Симеона, некоторые декоративные мотивы напоминают мотивы на керамике, покрывавшей пол в Преславе ¹²⁵.

Никакое внешнее влияние не могло бы способствовать возникновению или поддержанию определенного вида ремесленного производства, если бы

¹²¹ *Ваклинов С.* Указ. соч., с. 216.

¹²² Там же, с. 216—217, 219—220.

¹²³ Такие знаки обнаружены на строительных материалах, найденных в изобилии в Плиске и Преславе, а также около них. Они исследованы в работе: *Гошева Ив.* Старобългарски глаголически и кирилски надписи от IX—X в. София, 1961, с. 15—16 и др.

¹²⁴ *Ваклинов С.* Указ. соч., с. 217. Для своих выводов автор привлек результаты некоторых предшествующих исследований.

¹²⁵ *Ваклинов С.* Указ. соч., с. 220—221.

не существовало необходимых для этого внутренних закономерных предпосылок и условий. Так, в производстве преславской керамики, которому не было равных в Европе в X в., наступил резкий упадок и снижение качества сразу после подпадения Болгарии под византийскую власть. В крайне неблагоприятных условиях чужеземного господства фактически наступил конец производству преславской художественной керамики.

Что касается отражения византийского господства на дальнейшем развитии болгарских городских ремесел и вообще на развитии болгарских городов, то Г. Г. Литаврин обоснованно указывает на его неравномерность. Он приводит данные о положительном влиянии византийского рынка на подъем таких городов, как Пловдив, Доростол, Тырново, а с другой стороны — сведения об упадке городских ремесел и аграризации Плиски, Преслава и Ловеча¹²⁶. Об аграризации болгарских городов в целом говорится в «Географии» Идриси (середина XII в.), где они упоминаются как центры «непрерывно тянувшихся обработанных полей и земледельческих культур». Только в болгарском городе Авли (село Горно Александрово Сливенского района) упоминаются «искусные мастера по металлу». Но Идриси ничего не говорит о ремесле в таких крупных византийских городах, как Коринф, Фивы, Афины, Солунь. В Константинополе упоминаются только «замечательные ремесленные изделия в императорском дворце», об Афинах говорится, что это был многолюдный город с полями и огородами. Византийские ремесленники упоминаются только в небольших городах Аза (Азала на Мраморном море), Виза, Филиппи и Платамон (на Солунском заливе)¹²⁷. Вообще в «Географии» Идриси не показана социальная значимость и роль городских ремесел в Византии в XII в.

Принимая во внимание аграризацию городов, о которой говорится в «Географии» Идриси, Г. Г. Литаврин сначала пришел к выводу, что занятие городских ремесленников в период средневековья земледельческим трудом было обычным явлением как в Византии, так и в Западной Европе¹²⁸. Затем, однако, он убедительно указал на определяющую роль городского земледелия в Византии, подсчитав, что не менее $\frac{2}{3}$ населения средних и мелких городов в Византии занималось сельскохозяйственным трудом, что зерновые продукты еще в X—XI вв. составляли существенную часть византийского экспорта и что не случайно итальянские купцы в XII—XIV вв. получали большие прибыли от торговли зерновыми продуктами, произведенными в Византии¹²⁹.

В вопрос о социальной роли и организации городских ремесленников предельную ясность внес М. Я. Сюзюмов, установив, что византийские корпорации в Книге эпарха не тождественны западноевропейским цехам и что в Константинополе никогда не было цехового строя. М. Я. Сюзюмов исходит из того факта, что по Книге эпарха вопросы определения цен, размеров прибыли, качества товаров и их закупки у иностранцев решались не собранием свободных цехов (как в Западной Европе), а приказанием государственного чиновника (эпарха)¹³⁰. Э. Франчес считает, что корпорации Книги эпарха исчезают после X в.¹³¹ Сп. Врионис допускает, что они продолжали существовать и в XI в.¹³²

Г. Г. Литаврин, обобщив предшествующие исследования и опираясь на конкретные данные источников, указал, что основные положения Книги эпарха коренным образом отличаются от положений западноевропейских

¹²⁶ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 36—38.

¹²⁷ България и съседните ѝ земи през XII в. според Географията на Идриси. София, 1960, с. 37—87. К сожалению, данные Идриси все еще не использованы полностью для сравнительного изучения городов Балканского полуострова.

¹²⁸ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . . , с. 24.

¹²⁹ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 236.

¹³⁰ Сюзюмов М. Я. Византийская книга эпарха. М., 1962, с. 32, 40.

¹³¹ Франчес Э. Исчезновение корпораций в Византии. — ВВ, 1969, 30.

¹³² Vryonis Sp. Byzantine ΔΗΜΟΚΡΑΤΙΑ and the Guild in the XIth Century. — DOP, 1963, 17, p. 32 sq.

цеховых уставов. Корпорации Книги епарха создавались государственной властью как обязательная форма ремесленной и торговой деятельности в определенных отраслях городской экономики; устав Книги епарха также создан центральной властью и отвечал в первую очередь ее интересам; эти корпорации возглавлялись или непосредственно государственным чиновником, или старейшиной, утвержденным государственной властью и полностью ответственным перед ней. В Западной Европе цеха были добровольным объединением самих ремесленников и купцов, которые составляли статусы цехов для защиты своих интересов; цехом руководил выборный старейшина, который считывался перед его членами. Византийские корпорации цехами не стали. У византийских ремесленников и купцов не только не было собственной профессиональной и социальной организации, но они были отстранены от какого-либо участия в официальной политической жизни и в городском управлении. Правда, на протяжении XI в. граждане иногда вели борьбу за итальянский путь развития, т. е. путь городского самоуправления городов-республик (такие цели имело, например, восстание в Бари в 1009 г., в Херсоне в 1016 г., в Навпакте в 1028 г., в Антиохии в 1035 г., в Драче в 1040—1041 г. и др.), но все эти попытки успеха не имели¹³³.

Такое направление развития сложилось в XI—XII вв. и в болгарских городах; постепенно оно привело к полному господству в них феодальной аристократии, а это прервало развитие тенденций к городскому (бюргерскому) самоуправлению. В сущности господство феодальной аристократии в городах привело к результатам, обратным городскому самоуправлению, т. е. к политическому сепаратизму, превращению отдельных городов в опорные пункты власти групп феодалов. Феодалы и территориально находились внутри города: в источниках они названы «жители городских крепостей» — *καστρῦνοί*, они не жили в замках вне города, подобно западноевропейским сеньорам¹³⁴.

Возникает вопрос: не существовало ли у византийских ремесленников других форм социальной жизни, кроме корпораций Книги епарха? Литаврин делает необходимую оговорку: «...по нашему мнению, было бы опрометчиво утверждать, что и в столице империи, и в ее провинциальных городах в этой среде отсутствовали всякие социально-профессиональные связи и сообщества, хотя бы неофициальные»¹³⁵. Впрочем, мы видим вовсе не упадок, а, бесспорно, прогрессивный факт постепенной ликвидации (после X в.) казенных корпораций, созданных и руководимых византийскими чиновниками по типу корпораций Книги епарха. В сущности они уступали постепенно место *добровольным и свободным* социально-профессиональным связям, которые мы видим в группировке ремесленников одной профессии в одном месте. Доказательством является то, что сосредоточение металлургов в западноболгарских и в восточносербских городах породило одновременно и производственные связи и содружества этих ремесленников, в дальнейшем регламентированные сербским законом о рудниках (1412—1417)¹³⁶.

В предшествующих исследованиях уже было собрано достаточно данных, позволяющих сделать такой вывод. В XII в. в Фивах, Солуни и Афинах было сосредоточено несколько тысяч ткачей-евреев; в некоторых кварталах Константинополя группировались сапожники, находились лавки-хлебопекарни, лавки мастеров, изготовляющих свечи, кожевенные и другие мастерские; металлургия, гончарное производство и стеклоделие были сосредоточены на окраинах, ювелирные мастерские — на главной улице — Месе. Известны названия улиц XIII—XIV вв. — «Сапож-

¹³³ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 151, 155, 272, 274.

¹³⁴ О термине *καστρῦνοί* у Феофилакта Охридского и Михаила Хониата см.: Литаврин Г. Г. Болгария и Византия. . ., с. 129—131.

¹³⁵ Литаврин Г. Г. Византийское общество и государство, с. 272.

¹³⁶ Личев С. Българският средновековен град, с. 70 сл., 97.

ная» (*καλιγών*), «Мастеров поясов» (*ζωναρῶν*), «Решеточная» (*κοσκινῶδων*)¹³⁷. Для Солуни XIV в. известны старейшины ремесленников-парфюмеров и строителей¹³⁸. Путешественник Ибн Батута также приводит сведения, относящиеся к первой половине XIV в., о группировке некоторых ремесел на отдельных улицах Константинополя¹³⁹. В XII в. в уже упоминавшемся болгарском городе Авли были сосредоточены ремесленники-металлурги, а также в Попина (около Силистры), Преславе, Червене, Чипровцах, Самокове, Велбужде. Существовали целые поселения болгарских ремесленников-горняков, как, например, Чипровци, Самоков, Рударско, Рудово, Рудище, Рудьовица и др. Они имелись и в средневековой Сербии — Рудник, Ново бърдо, Бръсково и др.¹⁴⁰

Очевидно, группировка ремесленников по отдельным ремеслам, производственные ремесленные связи и содружества существовали в городах Византии, Болгарии и Сербии в течение всего периода развитого феодализма, но они не могли перерасти в организацию, имеющую социально-политическую значимость, как западноевропейские цехи. Существенным препятствием этому было не только внутреннее политическое положение, которое мы уже описали, но и приток итальянского торгового капитала на Балканы во второй половине XII в. Отрицательное влияние иностранного капитала отражено и в данных сохранившихся документов: счетоводные книги Дубровника показывают, что во второй половине XII в. уже преобладал не экспорт ремесленных изделий из Византии в Западную Европу, а экспорт пшеницы и мяса из Солуни и Константинополя¹⁴¹.

Во второй половине XII в. рыбаки Константинополя также утратили в большой степени свое значение в результате итальянского импорта рыбы в Византию (рыба была основным продуктом питания столичного населения). Неслучайными были и антиитальянская позиция рыбаков, и участие их в бунте Алексея Враны (1187), и помощь, которую итальянцы оказали византийской власти в жестоком наказании рыбаков¹⁴². То, что ремесленники вообще не могли ни играть самостоятельной роли в политической жизни, ни занимать антифеодальную позицию и лишь иногда принимали участие в некоторых событиях на стороне той или иной феодальной партии, видно и по их участию в бунте против протосеваста Алексея в Константинополе в 1182 г.¹⁴³

В заключение можно отметить следующее. В свете рассмотренных данных серьезные возражения могут быть выдвинуты против концепции, согласно которой в XI—XII вв. впервые при византийском господстве в Болгарии сформировались основные институты феодального общества. Источники показывают обратное — определяющую роль славянской общины на начальной и важнейшей стадии генезиса феодализма в Византии. Заключение о примерно одинаковом уровне развития феодальных отношений в Болгарии и Византии с VIII до конца X в. может быть выведено из того факта, что первоначально развитие феодализма протекало на основе славянской общины в Болгарии и византийско-славянской общины в Византии. Из-за необходимости преодолеть устойчивость этой общины осуществление внеэкономического принуждения в Болгарии и Византии до XI в. стало возможным главным образом при содействии государственного аппарата.

¹³⁷ *Сюзюмов М. Я.* Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. — ВО, 1961, с. 59.

¹³⁸ *История Византии*, т. 3, с. 354.

¹³⁹ *Горянов В. Т.* Поздневизантийский феодализм. М., 1962, с. 266.

¹⁴⁰ *Лишев С.* Българският средновековен град, с. 62, 70—71, 78, 81, 97.

¹⁴¹ *Крекић Б.* Дубровник и Левант (1280—1460). Београд, 1956, с. 60 сл.

¹⁴² *Matschke K.* Situation, Organisation und Aktion der Fischer von Konstantinopol und Umgebung in der byzantinischen Spätzeit. — *Byzantinobulgarica*, 6 (в печати).

¹⁴³ *Тивцев Р.* Sur les cites byzantines aux XI^e—XII^e siècles. — *Byzantinobulgarica*, 1962, 1, p. 173.

Прежде всего мы не можем согласиться с тезисом, что в XI—XII вв. в Болгарии впервые оформились, получили распространение и стали господствующей формой производственных отношений основные феодальные институты. Еще до византийского завоевания Болгарии, в Первом Болгарском царстве уже были созданы эти институты в тех же основных формах, которые существовали в этот период и в Византии, и которые мы подробно рассмотрели. В XI—XII вв. в Византии действительно возник новый феодальный институт — прония, с помощью которой регламентировалось поглощение феодальной собственностью целых общин с их собственной землей; но в этот двухвековой период прония еще не получила распространения в болгарских землях — она локализовалась преимущественно в некоторых районах юго-западных болгарских земель. Впервые в XIII—XIV вв. она распространилась во Втором Болгарском царстве вместе с полным налогово-судебно-административным иммунитетом, который в период византийского господства только появился в болгарских землях. Кажется, что и в XI—XII вв. в Болгарии чаще встречалась старая практика создания феодальной собственности — поселение немущих, т. е. образование поселений париков на «господской земле».

О прикреплении к частным имениям, которое известно в болгарских землях с X в., есть сведения и для периода византийского господства (наиболее ясно — в типике Григория Бакуриани, согласно которому, парики передавались в дар вместе с тягловым скотом и землей, которую они обрабатывали). Но, несмотря на это, закрепощение не получило *юридического признания* в действующем болгарском и византийском праве ни в X, ни в XI—XII вв., ни даже до конца существования Византии, ни во Втором Болгарском царстве¹⁴⁴. Это в сущности говорит об известной незавершенности процесса формирования феодальных отношений в Византии и Болгарии. И эта общая черта, по нашему мнению, вытекает из устойчивости сельской общины; хотя к концу XI в. устойчивость общины уже была преодолена, все же она продолжала и в дальнейшем играть некоторую, хотя и ограниченную роль.

«Византийское наследство» не сыграло существенной роли и в создании болгарского средневекового города. Каменное монументальное строительство в Плиске действительно базировалось на древней традиции, но не в византийском, а в сасанидско-иранском варианте. Болгарский средневековый город возник в результате развития славяноболгарской материальной культуры, разделения труда и сосредоточения собственного ремесленного производства в Плиске и Преславе и VIII—X вв. Вопрос о дальнейшем развитии болгарских городов в XI—XII вв. не может быть заменен вопросом о товарно-денежных отношениях в болгарских землях в период византийского господства. В сущности формирование денежно-платежной системы, регулярного денежного обращения и связанных с ним товарно-денежных отношений в этот период является *единственным положительным результатом* господства византийского режима в Болгарии, экономического влияния рыночных связей с Византией и прочной их преимущества в болгарских землях. Византийский рынок даже способствовал подъему некоторых болгарских городов в XI—XII вв., но в общем внешние нашествия и само чужеземное господство сильно тормозили развитие ряда болгарских городов. Отрицательным последствием существования византийского режима явился социальный облик болгарских городов XI—XII вв.: городские ремесленники и купцы были отстранены от активного участия в официальной политической жизни и в городском управлении, в городах постепенно устано-

¹⁴⁴ В работе М. Андреева и Д. Ангелова (указ. соч., с. 132) говорится, что, может быть, городские парики не были закрепощены, но на с. 176 цитируется Законник сербского короля Стефана Душана, чтобы показать отношение болгарского (?) действующего феодального права к вопросу о закрепощении.

вилось полное господство феодальной аристократии. Городская крепость была местом проживания и стратегической опорой феодальной аристократии. И сами города стали не только территориальным центром феодальной аристократии, но и центром их экономических интересов, т. е. аграрными центрами и главным рынком экспорта зерновых продуктов, произведенных в феодальных имениях.

Несмотря на это, в городах Балканского полуострова в XI—XIV вв. постепенно пробивали себе путь свободные социально-профессиональные связи и производственные содружества, возникавшие как добровольное сосредоточение специалистов одного ремесла в определенном месте. Эти связи не развивались в организации, имеющие социально-политическую значимость подобно западноевропейским цехам, но вопреки этому они были гораздо более прогрессивным явлением в сравнении с казенными корпорациями Книги эпарха, которые исчезли после X в.